

ДАРЬЯ ОЛЕГОВНА УШАКОВА

аспирант кафедры литературы факультета русской филологии и национальной культуры
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина (Рязань, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-4956-247X; davydova.dash@yandex.ru

ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕННОСТИ В ЦИКЛЕ КАВКАЗСКИХ ОЧЕРКОВ Я. П. ПОЛОНСКОГО

Аннотация. Цикл кавказских очерков Я. П. Полонского рассматривается с точки зрения отражения в нем национальных традиций кавказских народов и ценностных аспектов христианства. Исследование осуществлено с опорой на современную литературную этнопоэтику, с применением антропологического и аксиологического анализа, а также сравнительно-сопоставительного изучения художественных текстов с библейскими претекстами. В результате анализа корпуса этнографических очерков Полонского («Краткий исторический очерк городов Кавказского края», «Поездка в немецкую колонию Элизабетталь», «Несколько слов о грузинских праздниках вообще по случаю Марткопского», «Ночной вид Марткопского праздника») выявлены мотивы духовного единства и взаимного заступничества народов. Подчеркнуты взаимосвязь народных обычаяев кавказского населения с христианскими традициями, духовное братство народов и ценностное значение для них исторической памяти, единение людей в стремлении приблизиться к Богу в соблюдении евангельских заповедей. В художественных очерках («Два незнакомца – живой и мертвый», «Саят-Нова») обнаружены мотивы самопожертвования и духовного приращения таланта, которые Полонским возводятся к евангельскому тексту. Ключевыми для истинного поэта он считает христианские добродетели и духовный подвиг, истинное предназначение видит в служении народу.

Ключевые слова: Я. П. Полонский, кавказские очерки, библейские мотивы, евангельский текст, христианские ценности

Благодарности. Статья подготовлена по результатам реализации проекта РФФИ № 17-04-00501а («Литературное наследие Я. П. Полонского: исследование и комментарий»).

Для цитирования: Ушакова Д. О. Христианские ценности в цикле кавказских очерков Я. П. Полонского // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 3. С. 102–109. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.607

ВВЕДЕНИЕ

Творчество Я. П. Полонского гармонично вошло в стремительно развивающуюся русскую литературу второй половины XIX века, которой был свойствен интерес к жизни простого народа, национальному быту и духовно-нравственным основам человеческого бытия. Период службы на Кавказе в канцелярии наместника и редакции газеты «Закавказский вестник» (1846–1851) стал для Полонского временем творческого роста, о чём свидетельствует обширный комплекс произведений, в которых ярко отразились кавказские впечатления поэта. Некогда камерная поэзия, проникнутая верой в «служение истине, добру и красоте» [13: 273], обогатилась темами, мотивами и образами, выросшими из богатейшего источника – исторического прошлого Грузии, ее природы, фольклора и народной жизни. Поэт отошел от привычного

для русской литературы 1820–1830-х годов романтизированного изображения Грузии, он представил повседневную жизнь народов Кавказа и Закавказья, подчеркнув их культурную самобытность. Богатство тем, живость и реалистическая верность изображения быта и людей, их характеров, жизненных ценностей и словаря определили новизну кавказских произведений Полонского.

В последние десятилетия творчество Я. П. Полонского становится объектом изучения с точки зрения духовной христианской традиции в контексте библейских мотивов, образов и идей. И. В. Моклецова выделяет в поэзии Полонского глубоко религиозное сопререживание, в котором воззрения поэта восходят к «христианскому братству, основанному на евангельских

заповедях, заботливом отношении к беспомощным и отвергнутым» [11: 14]. И. Л. Багратион-Мухранели объясняет интерес поэта к кавказским реалиям единым корнем русского и кавказского Православия [2: 14–15], чем подчеркивает важность национальных скреп братских народов, с одной стороны, с другой – глубокий подтекст художественных произведений, связанный с религиозной общностью кавказских народов. В мотиве покоя Е. А. Гаричева видит выраженное автором стремление «к равновесию земного и небесного», «веру в идеал и способность к состраданию» [4: 385]. Т. В. Федосеева пишет о связанном с библейскими ценностями поиске Полонским «гармонии физического, душевного и духовного в человеке», которую находит в «восстановлении утраченной человечеством душевной цельности» в «идеале самоутверженной христианской любви» [17: 394].

В настоящей статье кавказские очерки Я. П. Полонского рассматриваются с опорой на современную литературную этнопоэтику (В. Н. Захаров) [8], с применением антропологического (О. А. Бердникова)¹ и аксиологического анализа (В. Н. Аношкина-Касаткина, М. М. Дунаев, А. М. Любомудров, А. В. Моторин) [1], [6], [10], [12], а также приемов сравнительно-сопоставительного анализа художественных текстов с библейскими претекстами (И. А. Есаулов, И. С. Юропин) [7], [14].

Анализируемые нами произведения: «Поездка в немецкую колонию Элизабетталь» (1848)², «Несколько слов о грузинских праздниках вообще по случаю Марткопского» (1848)³, «Ночной вид Марткопского праздника» (1848)⁴, «Краткий исторический очерк городов Кавказского края» (1847)⁵, «Саят-Нова» (1851)⁶, «Два незнакомца – живой и мертвый» (1847)⁷ были опубликованы в 1847–1851 годах в газетах «Закавказский вестник» и «Кавказ». Впоследствии они не переиздавались и не становились объектом самостоятельного исследования. Цикл кавказских очерков Я. П. Полонского впервые анализируется с точки зрения рецепции библейских текстов и воплощения ценностных ориентиров личности писателя.

В этнографическом очерке «Поездка в немецкую колонию Элизабетталь» вместе с воссозданием картины повседневной жизни писатель обращается к вопросу духовной жизни колонистов. Это прослеживается в подробном описании событий воскресного дня и личного участия в них автора. Полонский отмечает, что воскресенье для поселян не просто день отдыха от физического труда, а время духовного развития: колонисты откладывают привычные дела и направляются

в «кирку» – местную церковь, что, по мнению автора, благотворно влияет на объединение народа. Соборное пение прихожан подчеркивает духовную гармонию жителей колонии, их внутреннюю твердость и стойкость: голоса всех присутствующих «смешались в один протяжный, торжественный гимн» (135). Эта идея соотносится с библейским мотивом совместной молитвы: «И нитка, втрое скрученная, нескоро порвется» (Еккл. 4:12).

Очерки Я. П. Полонского «Несколько слов о грузинских праздниках вообще по случаю Марткопского» и «Ночной вид Марткопского праздника» ранее были нами рассмотрены в аспекте инонационального этнографизма [15]. В настоящем исследовании мы отмечаем выраженное в них осмысление Полонским евангельской идеи единства населяющих Кавказ народов.

Очерк «Несколько слов о грузинских праздниках вообще по случаю Марткопского» представляет собой подробное описание народного праздника подле развалин Марткопского монастыря. Однако за этнографической точностью прослеживается авторское осмысление вопроса о народном единстве через призму православия. Полонский подчеркивает массовость народных праздников, куда приходили люди вне зависимости от возраста, социального положения, национальности и вероисповедания:

«Есть такие праздники, на которые стекается народ за сотни верст, где все сословия от пастуха до князя принимают равное участие и где целые десятки тысяч костров освещают ночное небо, оглашаемое неумолкаемыми песнями» (143).

Автор отмечает, что в Грузии от былого величия православных церквей и монастырей теперь остались только руины. В ценностном аспекте его внимание направлено на глубину народной памяти, где хранятся имена и события, в честь которых эти памятники были основаны.

В очерке «Ночной вид Марткопского праздника» отражается стремление Я. П. Полонского увидеть главную составляющую гармоничной жизни инонационального Кавказа. Он замечает, что христианская религиозность в проведении праздника тесно переплетается с народными обрядами. Духовную близость людей автор подчеркивает изображением общего хоровода, где выделяет символичные действия поселян: они «...кладут друг другу на плечи руки, как бы опираясь друг на друга, чтобы не упасть, делают два прыжка направо и потом прыжок налево...» (147). Близость рук и движения танца символически изображают единение людей в любви к родной земле, традициям и обычаям. Мотив духовного

единства народа как непреходящей вечной ценности перекликается с евангельской идеей о вере и гармоничности отношений верующих: «да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино...» (Иоан. 17:21, 22). Вера «во Христе», утверждает автор, порождает духовное братство народов.

Эта гармония веры и традиций соотносится со взглядами автора, глубоко ценившего православные основы миросоздания. Вместе с тем культурная оригинальность марткопских праздников позволяет ему передать духовное единство всего многонационального населения Грузии.

Восходят к библейскому тексту и сведения, помещенные в «Кратком историческом очерке городов Кавказского края». Описывая жизнь местного населения городов Северного Кавказа, Грузии, Азербайджана и Армении, Я. П. Полонский обращается к истории возникновения населенных пунктов, а также обнаруживает особенности народного мировидения и духовности. В связи с этим особенную ценность для поэта приобретают старинные легенды и предания, в которых запечатлена история. Именно они становятся связующим звеном между прошлым и настоящим, в них просматриваются общенациональные, ветхозаветные идеи, объединяющие многонациональное государство.

Об уездном городе Нахичевань Я. П. Полонский пишет как о бывшей столице Армянского царства, в котором еще сохраняют память далекого прошлого «развалины некоторых мечетей и древних зданий» (58). К их числу относится небольшая молельня местных армян, называемая «Ноевой гробницей». Народное почитание ветхозаветного героя не случайно, согласно библейскому тексту, после длительного потопа Ноев ковчег прибрел к сухе, впоследствии кавказской земле: «И остановился ковчег в седьмом месяце, в семнадцатый день месяца, на горах Арааратских» (Быт. 8:4). Кроме того, автор указывает, что недалеко от Нахичевани находится местечко Маранд, где, по преданию, погребена жена Ноя. Память о семье ветхозаветных праведников занимает особое место в жизни горцев, так как именно их земли стали первым пристанищем ковчега, там же провел остаток жизни и сам Ной, а его сын Иафет считается прародителем народов Кавказа.

Привлекая обширный исторический материал, восстановленный из преданий и легенд, Я. П. Полонский подчеркивает глубинное значение исторической и культурной памяти народов, искони населяющих Кавказ. Залог гармоничного сосуществования грузин, армян, азербайджанцев на одной исторически сложившейся территории

автор видит в общности исторических событий, бережно сохраняемых народной памятью в национальных преданиях и легендах, библейских сюжетов и образов. В этой совокупности усматривается выражение духовных воззрений народов.

Своим идейным содержанием к историко-этнографическим очеркам Я. П. Полонского примыкают художественные очерки «Два неизнакомца – живой и мертвый» и «Саят-Нова». Ранее нами была рассмотрена жанровая специфика и стилевая характерность этих произведений [16]. Их сюжетную основу составляют живые впечатления писателя от знакомства с жизнью социальных низов Тифлиса. Повествование Полонский сопровождает авторскими комментариями, в которых прослеживается его отношение к вопросам нравственности, миропонимания, основанного на осознании обитателями Тифлиса православных догм и ценностей. Эти идеи и установки оформляются в систему библейских мотивов.

В очерке «Саят-Нова» Я. П. Полонский рассказывает о судьбе армянского поэта – Арутана Саядяна, подчеркивая в его личной биографии значимость подвига христианина:

«Бедный армянин по происхождению, ткач по ремеслу, сазандар, или певец по влечению души своей, гуляка в юности, отшельник в старости, наконец, христианин, с крестом в руках убитый врагами на пороге церкви, – вот кто был Саят-Нова» (2).

Автор выделяет самобытный талант «сазандаря» и наполняет повествование аллюзиями к библейскому тексту. Мотив духовного богатства восходит к наставлениям Иисуса Христа. В Нагорной Проповеди он неоднократно предупреждал людей от чрезмерной привязанности к земным благам: «Но собирайте себе сокровища на небе... Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6:19–24).

Жизнеописание Саят-Новы доказывает, что вместо скопления скоропреходящих благ человеку лучше позаботиться о приобретении внутреннего богатства, которое подлинно ценно и которое будет его вечным достоянием. Саят-Нова, по замечанию Я. П. Полонского, осознавал божественное происхождение своего таланта, поэтому, прежде чем стать сазандарем, «наложил на себя семилетний пост в честь Иоанна Крестителя, который считался у армян покровителем всех ремесел» (2). Такая глубокая нравственная подготовка отразилась в поэзии народного певца религиозными мотивами и духовными ценностями. Он взрастил свои песни из веры, поэтому его лирика далека от любовного и легендарного характера грузинских и татарских песен. Его

стихи часто «торжественно-поучительны», в них звучат нравственные советы, утверждение любви к Богу, ближнему, духовным знаниям, терпению и смирению. Полонский указывает, что для Саят-Новы источником вдохновения стали священные книги и христианские заповеди, подарившие его лирике особенное звучание. Е. В. Греджева в песнях ашуга выделяет философскую тему – размышления лирического героя над судьбами человечества [5: 218]. Действительно, Полонскому близки мысли Саят-Новы о вечности поэзии и преемственности в искусстве, выраженные в цитируемых из песен ашуга отрывках. Нельзя не заметить также, что в них слышится поучительность с отголосками заповедей: призыв служить своему дару с усердием и главным смыслом бытия считать не материальные блага, а духовные: «...похватаи хоть звезды с неба – без добрых дел и мудрость семя пропащее» (3).

В первую очередь сазандар видит свое призвание в служении таланту через заботу о душе: «...если не хочешь славы от мира сего, получишь алмазы небесного царства...» (3). Поэт тогда будет вознагражден, когда расширит свой талант, обращаясь к христианским добродетелям и в творчестве, и в жизни. Не может он быть равнодушен к несправедливости, от которой страдает его народ. Духовное подвижничество «сазандаря» было тесно связано с его непростым жизненным путем и оказалось близким Полонскому. Как пишет Т. В. Федосеева, образ народного певца послужил ориентиром в творческом самоопределении русского поэта, который «глубоко и эмоционально переживал несправедливости и несовершенства мира» [18: 46]. Автор признает гармоничность песен ашуга, в своей лирике он желает подобного единения чувства, слова и мысли. Однако в поэзии Полонского лирический герой находится в поиске гармонии. Следуя наблюдениям исследовательницы, мы отметим, что, включая творчество Саят-Новы в живую народную традицию, автор очерка подчеркивает его индивидуальность, обоснованную характером христианина и незаурядной судьбой.

Сюжет художественного очерка «Два незнакомца – живой и мертвый» разворачивается в городских трущобах Тифлиса. Рассказчик знакомит читателя с обитателями этой среды – это «живой», бедный русский дворянин, промотавший отцовский капитал, и «мертвый» – молодой поэт-грузин Луарсаб. В очерке противопоставлена идея духовного богатства как высшей ценности человека поискам материального благополучия, выраженная в библейском сюжете о блудном сыне. Как учит притча, человек только тогда об-

ретет душевный покой, когда осознает свою греховность и покается: «...сей был мертв и ожила, пропадал и нашелся» (Лк. 15:11–32). История «живого» не позволяет говорить о его покаянии в будущем, но его искренность, бесхитростный характер и глубокое душевное сокрушение о безвременной кончине друга дают надежду на такую возможность.

Жизнь случайного знакомого, названного Я. П. Полонским «живым», тесно переплетается с судьбой «мертвого» – поэта Луарсаба. Это имя восходит к имени грузинского царя Луарсаба II, принужденного шахом Аббасом перейти в ислам, сохранившего верность Святой Церкви Христовой и принявшего за это мученическую смерть [9]. В имени героя очерка очевиден намек на то, что герой очерка должен обладать высокими нравственными качествами – быть христианином, готовым на самопожертвование.

Судьба и психологические особенности личности Луарсаба отражены в рассказе «живого», стремящегося представить полную картину дружеских отношений с юным поэтом. Их история перекликается с притчей о добром Самарянине, который проявил милосердие и бескорыстно помог попавшему в беду человеку (Лк. 10:25–37). Русский человек пришел на помочь бедному грузину, когда с ним произошел несчастный случай: юношу столкнули на мостовую и он разбился. Ценность проявленного «живым» человеколюбия усиливается ответной добротой Луарсаба: за труд переводчика при русском путешественнике он запросил в качестве платы лишь «пустое место на спине у лошади» (191). Автор подчеркивает значение взаимопонимания молодых людей в период их жизненных неудач. Не материально, но морально Луарсаб поддерживал жизненные силы товарища: «...мы вместе читали, вместе думали» (191). Взаимопомощь была естественной для двух друзей, что транслирует читателю христианскую истину: любовь к ближнему есть главное сокровище человека.

Наиболее полно образ Луарсаба раскрывается в изображении его как поэта. Это был простодушный молодой человек, отличавшийся задумчивостью, даже странностью. Обладая «страстной жаждой знания», он не мог всецело посвятить себя образованию и творчеству из-за крайней бедности его семьи. На юношу оказывала давление жестокая социальная действительность, оставлявшая свой след в его незрелой душе, принужденной смиряться с жалким положением. Автор очерка обнаруживает причину, подорвавшую жизненные силы Луарсаба: «...мать его

за каких-нибудь двадцать червонцев, продала часть сестры его!» (192). Обстоятельство, идущее вразрез с христианским мироощущением поэта, разрушает его жизненную опору. В этом эпизоде просматривается антитеза мотива жертвенности, восходящего к евангельскому тексту. В православии жертва Иисуса Христа – фундамент веры. Его жертва – это искупление грехов человечества, подвиг, взлет веры. Поступок матери нарушает понятие о христианской жертвенности, так как она своей волей лишает дочь выбора. Луарсаб не может этого принять, в угнетающей его душу ситуации он видит проявление несправедливости и жестокости мира и от этого страдает. Он не может простить мать. Душу молодого поэта отягощает обида, осознание собственной беспомощности истощает нравственные силы, все это приводит к безвременной смерти.

В очерке Я. П. Полонский затрагивает вопрос служения таланту. В образе Луарсаба писатель показывает, как духовное опустошение может привести творца к трудностям в жизни и творчестве. В судьбе юноши «слово» занимало особое место: он работал у переплетчика, с упоением читал все, что попадалось ему под руку, знал несколько языков и, наконец, стал поэтом. Настоящий поэт, по мысли Полонского, должен расширять внутренние ресурсы души. Истинное творчество – в служении людям, и тогда оно не прерывается и обретает продолжение:

«Много песков поглощают моря, унося их волнами, / Но берега их сыпучими вечно покрыты песками. / Много и песен умчит навсегда невозвратное время – / Новые встанут певцы, и услышит их новое племя»⁸.

Авторское отношение к перипетиям судьбы поэта прослеживается в речи «живого»: «А вдохновенье, это нравственная болезнь – единственный выход одно только творчество. – Если талант не равен вдохновению, беда!» (191). Луарсаб, слишком зависимый от воздействия грубой действительности, не способен стать настоящим поэтом, он не смог во всей полноте развить свой талант и дать волю вдохновению. В мыслях молодого поэта рождались идеи и образы, он восхищался творчеством Мильтона, но зачастую сжигал свои творения. Робкая и нежная, надорванная страданиями, душа юноши не смогла выдержать дарованную ему силу таланта. В размышлениях «живого» слышится авторское понимание скорой смерти поэта, ее причина – в оскудении нравственных сил: «Человек – растение... Суха почва – и растение гибнет. Это старая истина» (191). Таким образом, Луарсаб, наделенный тонкой душев-

ной организацией, не сумел справиться с выпавшими на его долю жизненными испытаниями. Он не смог отстраниться от грубой действительности, направить силы на поиск истинного источника восполнения душевных сил – веры и безраздельно посвятить себя дарованному свыше таланту.

Смерть юного поэта призвана подчеркнуть бессмысленность душевных терзаний и зависимости от материальной стороны жизни. Главная задача человека – забота о душе. В связи с этим автор очерка несколько раз обращает внимание на старика, читающего возле гроба юноши Псалтырь. Он подчеркивает важность его занятия и надеется, что псалмы помогут душе, разлучившейся с телом, обрести упокоение в Небесном Царстве. Вероятно, «странные чтение» старика должно быть значимо не только для души усопшего, но и для всех обитателей тифлисских трущоб:

«...не сам ли Бог привел его сюда – в это место, чтобы этим надмогильным чтением разбудить сонную совесть грязного разврата... и быть может спасти кого-нибудь...» (183).

Таким образом, в мотивах таланта, талантливой личности и жертвенности прослеживаются идеи обретения человеком нравственной чистоты и жизненной силы.

Результатом духовного спасения человека становится гармония мира. В стихотворении Я. П. Полонского «Заступница», первая редакция которого включена автором в публикацию художественного очерка «Два незнакомца – живой и мертвый», выражена мысль о том, что Иверия обретает спасение от иноземных агрессоров только благодаря своей сестре – России. С 1801 года Грузия в качестве губернии приняла подданство Российской империи и находилась под ее протекторатом, что помогло сдерживать захватнические действия Ирана и Турции в отношении этой земли, а следовательно, и исламский гнет [3]. Значимость духовного единства стран усиливается евангельским мотивом приближения Судного дня. Е. А. Федорова, осмысливая это стихотворение, пишет, что автор персонифицирует Иверию и Россию, называя их сестрами, не случайно. Уже в этом метонимическом переносе прослеживается христианское начало:

«Заступницей в народе считается Пресвятая Богородица, а Ее образ явлен в Иверской иконе Божией Матери. У Полонского Иверия на Страшном Суде свидетельствует в пользу России, подчеркивая ее бескорыстную помощь и любовь, готовность к самопожертвованию» [19: 31].

Сюжетно мольба Иверии о помиловании России может быть связана с эпизодами Евангелия от апостола Иоанна, когда Иисус занимает место слуги и омывает ноги Своим ученикам (Ин. 13: 1–20). Это действие имело духовный смысл: единства можно достичь только при нравственной чистоте – чистоте совести. Христос показал апостолам пример взаимного служения, не умаляя самой идеи старшинства.

Так и в стихотворении «Заступница» Я. П. Полонский создает образ благодарной Иверии, готовой «повергнуться во прах» ради спасения своей сестры: «О, Царь царей! Господь! суди мои дела, / Но милуй Русы!» (192). Тем самым в поэтике стихотворения автор транслирует евангельские мотивы единства и заступничества для родственных стран и народов. Добро, совершенное одним народом, вернется другому за пределами земного бытия. Как Иисус восстановил связь между людьми и Богом, умерев на кресте, так и Иверия готова на самопожертвование ради спасения России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выделенный нами комплекс мотивов: духовного единства и взаимного заступничества народов, самопожертвования, духовного приращения таланта, веры в силу Священного Писания и надежды на прощение грехов – отражает онтологические смыслы и духовное содержание истории. Рецепция библейского текста служит воссозданию объективной картины жизни кавказских народов в их историческом и культурном развитии. Их мироустройство основано на единении национальных традиций и принятии универсальных духовно-нравственных ценностей. Очерки послужили выражению нравственно-философской концепции автора и его взгляда на мир и творчество через призму христианских ценностей. Писатель транслирует идею духовного подвижничества человека как объединяющую христианские ценности: любовь к ближнему, сострадание, самопожертвование, народное единство, приращение таланта.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бердникова О. А. Антропологические художественные модели в русской поэзии начала XX века в контексте христианской духовной традиции: Дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2009. 407 с.
- ² Полонский Я. П. Поездка в немецкую колонию Елизабетталь // Закавказский вестник. 1848. № 30. С. 127; № 31. С. 131–132; № 32. С. 135. Здесь и далее цитируется с указанием страницы в круглых скобках.
- ³ Полонский Я. П. Несколько слов о грузинских праздниках вообще по случаю Марткопского // Закавказский вестник. 1848. № 34. С. 143–144.
- ⁴ Полонский Я. П. Ночной вид Марткопского праздника // Закавказский вестник. 1848. № 35. С. 147.
- ⁵ Полонский Я. П. Краткий очерк некоторых городов Кавказского и Закавказского края // Кавказский календарь на 1847 год. 1848. С. 75–110.
- ⁶ Полонский Я. П. Саят-Нова // Кавказ. 1851. № 1. С. 2–3; № 2. С. 5–7.
- ⁷ Полонский Я. П. Два незнакомца: живой и мертвый // Закавказский вестник. 1848. № 44. С. 183–184; № 45. С. 187; № 46. С. 191–192.
- ⁸ Полонский Я. П. Саят-Нова. С. 6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аношина-Касаткина В. Н. Православные основы русской литературы XIX века. М.: Пашков Дом, 2011. 384 с.
2. Багратиони-Муханели И. Л. «Другая жизнь и берег дальний...» Репрезентация Грузии и Кавказа в русской классической литературе. Тверь: Изд. Марины Батасовой, 2014. 456 с.
3. Вачнадзе М. История Грузии (с древнейших времен до наших дней) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://modernlib.ru/books/vachnadze_merab/istoriya_gruzii_s_drevneyshih_vremen_do_nashih_dney/read (дата обращения 20.10.2020).
4. Гаричева Е. А. Движение к покоя в лирике Я. Полонского // Проблемы исторической поэтики. Вып. 5. Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр / Отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск, 2008. С. 375–384.
5. Греджева Е. В. «Духовный опыт народов Востока в лирике Я. П. Полонского» // Я. П. Полонский: вопросы творческой биографии: Моногр. / Отв. ред. Т. В. Федосеева. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2019. С. 194–221.
6. Дунаев М. М. Православие и русская литература: В 6 ч. Ч. 1. М.: Христианская литература, 1999. 317 с.
7. Есаулов И. А. Евангельский текст в русской культуре и современная наука // Проблемы исторической поэтики. Вып. 6. Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр / Отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск, 2011. С. 5–23.
8. Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Проблемы исторической поэтики. Вып. 3. Петрозаводск, 1994. С. 5–11.

9. Коридзе Т. Луарсаб II // Православная энциклопедия. Т. XLI. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2016. С. 521–523.
10. Любомудров А. М. О православии и церковности в художественной литературе // Русская литература. 2001. № 1. С. 107–125.
11. Мокледова И. В. О Родине и о себе: молитвенные размышления Я. П. Полонского // Я. П. Полонский: творчество, судьба, эпоха (посвящается 195-летию со дня рождения поэта) / Сост. Т. В. Федосеева. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2015. С. 8–17.
12. Моторин А. В. Духовные направления в русской словесности XIX века: Монография / А. В. Моторин; НовГУ им. Ярослава Мудрого. В. Новгород, 2012. 504 с.
13. Орлов В. Н. Полонский // История русской литературы: В 10 т. Т. VIII. Ч. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 261–283.
14. Юрюшин И. С. Библейский текст в русской литературе конца XIX – первой половины XX века: Курс лекций. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2015. 187 с.
15. Ушакова Д. О. Инонациональный текст в путевых очерках Я. П. Полонского кавказского периода творчества // Вестник РГУ им. С. А. Есенина. № 4 (65). Рязань, 2019. С. 132–141.
16. Ушакова Д. О. Художественный очерк в кавказской прозе Я. П. Полонского // Я. П. Полонский: личность, творчество, эпоха (посвящается 200-летию со дня рождения поэта) / Науч. ред. Т. В. Федосеева. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2019. С. 71–80.
17. Федосеева Т. В. Мотив искушения монаха в творчестве Я. П. Полонского // Проблемы исторической поэтики. Вып. № 12. Петрозаводск, 2014. С. 280–399.
18. Федосеева Т. В. О поэте и поэзии: творческая рефлексия и литературные оценки // Я. П. Полонский. Вопросы творческой биографии: Монография / Отв. ред. Т. В. Федосеева. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2019. С. 46–47.
19. Федорова Е. А. Духовная поэзия Я. П. Полонского (по журнальным публикациям и прижизненным изданиям) // Я. П. Полонский: личность, творчество, эпоха (посвящается 200-летию со дня рождения поэта) / Науч. ред. Т. В. Федосеева. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2019. С. 25–36.

Поступила в редакцию 23.11.2020; принята к публикации 08.02.2021

Original article

Daria O. Ushakova, Postgraduate Student, Ryazan State University named for S. A. Yesenin (Ryazan, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-4956-247X; davydova.dash@yandex.ru

CHRISTIAN VALUES IN THE SERIES OF CAUCASIAN TRAVEL ESSAYS OF YAKOV POLONSKY

A b s t r a c t. The series of Caucasian travel essays written by Yakov Polonsky is studied from the point of view of it reflecting the national traditions of the Caucasian peoples and the value aspects of Christianity. The research is based on modern literary ethnopoetics and uses anthropological and axiological analysis, as well as the comparative study of literary texts with biblical pretexts. The analysis of ethnographic essays of Polonsky (“A Brief Historical Review of Caucasian Cities”, “A Journey to the German Elizabetta Colony”, “Some Observations on a Holiday in the Village of Martkopi and Georgian Holidays in General”, “The Night View of a Holiday in the Village of Martkopi”) revealed the motifs of spiritual unity and mutual intercession of peoples. The study emphasizes the interrelation of folk customs of the Caucasian peoples with Christian traditions, the spiritual brotherhood of peoples, and the value of historical memory for them, as well as the unity of people in their desire to get closer to God by living the Gospel commandments. The analysis of Polonsky’s literary essays (“Two Strangers – the Living One and the Dead One”, “Sayat-Nova”) reveals the motifs of self-sacrifice and spiritual growth of talent, which he ascribes to the Gospel text. He considers Christian virtues and spiritual feats to be the key ones for a true poet and sees the true purpose in serving the people.

Key words: Yakov Polonsky, Caucasian series, biblical motifs, Christian values, evangelical text

For citation: Ushakova, D. O. Christian values in the series of Caucasian travel essays of Yakov Polonsky. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(3):102–109. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.607

REFERENCES

1. Anoshkina-Kasatkina, V. N. Orthodox foundations of Russian literature of the XIX century. Moscow, 2011. 384 p. (In Russ.)
2. Bagration-Mukhraneli, I. L. “Another life and the distant coast...” Representation of Georgia and the Caucasus in Russian classical literature. Tver, 2014. 456 p. (In Russ.)

3. Vachnadze, M. History of Georgia (from ancient times to the present day). Available at: http://modernlib.ru/books/vachnadze_merab/istoriya_gruzii_s_drevneyshih_yremen_do_nashih_dney/read/ (accessed 20.10.2020). (In Russ.)
4. Garicheva, E. A. Move to rest in Yakov Polonsky's lyric poetry. *The Problems of Historical Poetics*. Petrozavodsk, 2008. Issue 5. P. 375–384. (In Russ.)
5. Gredzheva, E. V. "Spiritual experience of the peoples of the East in Yakov Polonsky's lyric poetry". *Ya. P. Polonsky. Milestones of literary biography: Monograph*. Ryazan, 2019. P. 194–221. (In Russ.)
6. Dunaev, M. M. Orthodoxy and Russian literature. In 6 parts. Part 1. Moscow, 1999. 317 p. (In Russ.)
7. Yesaulov, I. A. The Gospel text in Russian culture and modern science. *The Problems of Historical Poetics*. Petrozavodsk, 2011. Issue 6. P. 5–23. (In Russ.)
8. Zakharov, V. N. Russian literature and Christianity. *The Problems of Historical Poetics*. Petrozavodsk, 1994. Issue 3. P. 5–11. (In Russ.)
9. Koridze, T. Luarsab II. *Orthodox encyclopedia*. Moscow, 2016. Vol. XLI. P. 521–523. (In Russ.)
10. Lyubomudrov, A. M. Orthodoxy and ecclesiasticism in fiction. *Russian Literature*. 2001;1:107–125. (In Russ.)
11. Mokletsova, I. V. About one's motherland and about oneself: prayerful reflections of Yakov Polonsky. *Y. P. Polonsky: creative works, fate, epoch (commemorating the 195th birthday anniversary of the poet)*. (T. V. Fedoseeva, Ed.). Ryazan, 2015. P. 8–17. (In Russ.)
12. Motorin, A. V. Spiritual trends in Russian literature of the XIX century. Velikiy Novgorod, 2012. 504 p. (In Russ.)
13. Orlov, V. N. Polonsky. *History of Russian literature*. Moscow, 1956. P. 261–283. (In Russ.)
14. Uryupin, I. S. Biblical text in Russian literature of the late XIX and the first half of the XX centuries: Course of lectures. Yelets, 2015. 187 p. (In Russ.)
15. Ushakova, D. O. J. P. Polonsky on national traditions. Travel essays written in the Caucasus. *The Bulletin of RSU named for S. A. Yesenin*. 2019;4(65):132–141. (In Russ.)
16. Ushakova, D. O. Literary essays written by Yakov Polonsky in the Caucasus. *Ya. P. Polonsky: personality, creative works, epoch (commemorating the 200th birthday anniversary of the poet)*. (T. V. Fedoseeva, Ed.). Ryazan, 2019. P. 71–80. (In Russ.)
17. Fedoseeva, T. V. The motif of a monk's temptation in Ya. P. Polonsky's work. *The Problems of Historical Poetics*. Petrozavodsk, 2014. Issue 12. P. 280–399. (In Russ.)
18. Fedoseeva, T. V. Poet and poetry: creative reflection and literary evaluation. *Ya. P. Polonsky. Milestones of literary biography: Monograph*. Ryazan, 2019. P. 46–47. (In Russ.)
19. Fedorova, E. A. Spiritual poetry of Yakov Polonsky (study of journal publications and lifetime editions). *Ya. P. Polonsky: personality, creative works, epoch (commemorating the 200th birthday anniversary of the poet)*. (T. V. Fedoseeva, Ed.). Ryazan, 2019. P. 25–36. (In Russ.)

Received: 23 November, 2020; accepted: 8 February, 2021